

Проблема цен в плановом хозяйстве¹

I

Проблему цен необходимо у нас ввести в новую стадию, которую мы бы назвали стадией планирования. Этим мы не хотим сказать, что до сих пор, планируя народное хозяйство, мы проблему цен игнорировали. Но это было, если можно так выразиться, конъюнктурное планирование цен, а не экономическое. Если общим планированием мы задаемся целью не только внести те или другие улучшения в народное хозяйство или устранить те или другие его недостатки, а строить его в соответствии с социально-экономическими задачами, разрешить которые призвано переходное время, то в области цен мы шли иными путями. Основной задачей было сжатие „ножниц“, под которым понималась борьба с выросшими за годы войны и революции ценами на промышленные товары. Цены на промтовары считалось необходимым постепенно снижать, и они снижались в самом деле. Этой задаче объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21—23 сентября 1927 г. дал конкретную формулировку: „Отпускные цены на продукцию промышленности должны систематически сжиматься, обеспечивая последовательное сжатие раствора „ножниц“, т.-е. изживание диспропорции цен на продукты промышленности, с одной стороны, сельского хозяйства—с другой, и диспропорции между уровнем наших цен и цен мирового рынка“. Что же касается сельскохозяйственных цен, то построенные в известном соотношении к довоенным ценам они перестраивались из года в год в соответствии с ходом заготовок и движением тех или других отраслей сельского хозяйства, имея в виду, как это конкретно формулирует пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), „необходимость установления устойчивых и соответствующих планам производственного и личного потребления страны и экспорта соотношений в развитии отдельных отраслей сельского хозяйства“.

В каком направлении и каком темпе „исправление“ цен происходило из года в год, в какой мере осуществлялось „сжатие ножниц“ и воздействие на сельское хозяйство, это другой вопрос, здесь же мы хотим отметить, что речь шла о сумме мероприятий для исправления „диспропорций“, создавшихся в годы войны и военного ком-

¹ Статья дискуссионная. Р е д.

мунизма. Когда говорят о диспропорции, то при этом имеют в виду, что ей противопоставляется какая-то „пропорция“. Но никаких попыток построить „пропорцию“ в системе цен, как элементе планирования народного хозяйства, не было сделано, и логически получилось, что этой „пропорцией“ стала система довоенных цен. Разумеется, этой „пропорции“ рабски не подчинялись, хотя часто мы встречались с критикой цен именно с точки зрения довоенных ценостных соотношений. Во всяком случае, довоенная система цен все время стояла перед нами, как некоторый маяк, по которому равнялась наша политика цен.

Это само было неправильно. Во-первых, во многих случаях мы не имели довоенных цен. Это следует сказать даже о сельскохозяйственных ценах, о которых мы унаследовали от довоенного времени порядочную статистику. Мы говорим о так называемых „местных ценах“. Но это были цены, по которым продавали продукцию сельского хозяйства помещики, кулаки, скупщики, но не большинство рядовых крестьян. В земской литературе имеются на этот счет весьма характерные указания. Берем в виде примера один из уездов, в котором крестьянин в довоенное время в смысле возможности ближе стоять к местным базарам, на которых регистрировались так называемые местные цены, находился в лучших условиях, чем в других местностях. Это Александровский уезд Екатеринославской губ., отличавшийся большим развитием хлебной торговли и сравнительно высоким благосостоянием крестьянина. Исследователь хлебной торговли в Александровском уезде устанавливает ряд „барьеров“, отделяющих производителя хлеба от одесского экспортера. Все эти барьеры нас теперь не интересуют. Нас интересует только то, что исследователь называет первым барьером. Его образует „мелкий скупщик хлеба в селе, мелкий и средний амбарщик в г. Александровске“, и чтобы „перешагнуть этот“ барьер „нужно“ заплатить 10, 20, 30 и больше копеек за четверть¹, т.-е. „мелкий“ производитель должен продать свой хлеб ниже „местной“ цены. Но самый характер исследования в сильной степени затуманивает положение. Оно касается нормальных, рыночных продаж „мелкого“ производителя, таких продаж, которые были доступны, может быть, только крестьянам значительной зажиточности, по современной классификации — высшим группам „середняка“. Каково же было отношение к „местным ценам“ рядового крестьянина? Вот ответ на этот вопрос. „Обычный... порядок вещей состоит в том, что крестьянин... продает свои продукты через посредство скупщиков... Деятельность скупщиков начинается еще зимою или весною, когда крестьянин нуждается в продовольственных и кормовых средствах и в семенах для обсеменения полей... Он обращается к богачу-скупщику... При этом

крестьянин платит за хлеб на 90—120 коп. дороже на центнер против базарной цены и нередко выдает обязательство продать весь будущий урожай скупщику... При приеме хлеба скупщики устанавливают совершенно произвольные цены. Независимо от этого в Одесском уезде, напр., скупщики установили обычай сбрасывать на мешок свыше 1 кило и походу на „рассыпку“ 400 г.¹

Еще более спорной была база, из которой исходят при построении индексов цен на промтовары. Если для сельского хозяйства имелись довоенные „местные цены“, систематически собиравшиеся и обрабатывавшиеся, то промтовары вовсе не имели правильно-организованной довоенной статистики цен, и для того чтобы построить индексы, приходилось брать то, что в полном смысле слова попадалось под руку. Всего более были использованы „продажные оптовые цены по Москве“. Но их было недостаточно, и тогда цены брались из „специальных периодических изданий, а также из бухгалтерских записей и отчетов отдельных фирм, синдикатов, заводов и пр.“² Помимо сомнительного качества такой „статистики“ довоенных цен, базой для индексов во всяком случае чаще всего служили не заводские отпускные цены, а оптово-рыночные, т.-е. в основание исчисления индексов отпускных заводских цен клались цены, несколько повышенные за счет расходов товарообращения...

II

Помимо того, для довоенного времени нельзя было установить „пропорцию“ цен по отсутствию годного для этой цели статистического материала, и потому устанавливавшиеся „пропорции“ лишены были всякого реального значения, — помимо этого, вообще условия, в которых в довоенной России строились цены, далеко нельзя назвать нормальными даже с капиталистической точки зрения. В ценах на продукты сельского хозяйства, т.-е. в „местных ценах“, поскольку они диктовались мироедами и помещиками, отражалось полуфеодалное положение довоенной деревни, обусловившее грошевую оплату наемного крестьянского труда. С другой стороны, нелепый довоенный протекционизм поддерживал ненормально высокие цены на промышленные товары. В довоенное время литейный чугун стоил в Германии дороже, чем в Америке и других западно-европейских государствах; но русская цена была выше германской почти на 23%. Наиболее высокая цена на сортовое железо была в Англии, и она была ниже русской цены почти на 32%. Плуг обходился нашему крестьянину дороже, чем в Германии в полтора раза, сенокосилка — на 37%. Хлопчатобумажная пряжа стоила у нас почти на 33% дороже, чем в Германии и на 62% дороже, чем

¹ Л. Зак, „Земство и крестьянское хозяйство“, Р. М. 1899, № 11.

² „Справочник цен довоенного времени“. Вып. I, предисл. Изд. ВСНХ, М. 1922.

¹ Положение хлебной торговли в Александровском уезде. Докл. Секрет. Александр. уезд. Зем. Упр. П. И. Чижевского. Ек., 1896, стр. 23.

в Англии. Даже цена сахара не была так высока, как у нас, ни в одной капиталистической стране.

Однако, если наш довоенный „маяк“ в области цен удался бы реставрировать статистически даже правильно и если в довоенной нашей системе цен не было бы тех ненормальностей, которые отличали ее от системы цен других капиталистических стран, то и тогда нельзя было бы не поставить вопроса о том, в какой степени, говоря о борьбе с „диспропорцией“ в отношении цен, логично исходить из дореволюционной „пропорции“, когда народное хозяйство строится на основах, принципиально отличных от довоенного времени? В капиталистических условиях процесс ценообразования — это процесс реализации для народного хозяйства ресурсов расширенного воспроизводства, который идет по линии трансформации ценности в целях уравнивания средней нормы прибыли в отраслях промышленности с разным строением капитала. Это, так сказать, генеральная линия ценообразования, от которой могут быть те или другие конъюнктурные отклонения, но которая по существу неразрывно связана с основами капиталистического хозяйства. В этой обстановке не только каждая отрасль промышленности, но и каждое предприятие существует само по себе, стихийно связываясь с другими отраслями промышленности и предприятиями, при чем часто это связь не сотрудничества, а борьбы. Сохраняет ли этот порядок советский режим? Формально государственная промышленность находится у нас на хозрасчете. Но чисто капиталистического хозрасчета даже здесь нет, не говоря о нашей кооперативной промышленности. Разве мыслим у нас факт банкротства общепольного кооператива из-за того, что он недостаточно реализовал на рынке ресурсы воспроизводства? Госпредприятие и подавно не может у нас очутиться в этом положении. Бюджетная поддержка дефицитных предприятий не носит у нас систематического, планового характера. Это вытекает из принципов хозрасчета. Тем не менее, исключения из общего правила так часты, что, в сущности, получается своеобразный хозрасчет. Что касается фонда накопления, как базы для расширенного воспроизводства, то в области промышленности он почти целиком у нас обобществлен. Поучительна следующая табличка (млн. руб.):

	1925/26 г. (отчет)	1926/27 г. (отчет)	1927/28 г. (план)
Чистая прибыль госпромышленности	614	600	700
Все отчисления промышленности в казну	228	379	409
Остаток прибыли в распоряжении хозорганов	386	221	291
Капитальные вложения в промышленность вместе с электрификацией	930	1.261	1.490
Процент доли „собственного“ накопления в капитальных вложениях	41,5	17,5	19,5

Если в 1925/26 г. „собственное“ накопление еще играло значительную роль в строительстве промышленности (41,5% капитальных

вложений), то с 1926/27 г. оно покрывает уже менее пятой части всех капитальных вложений в промышленность. Очевидно, поскольку развитие промышленности зависит и у нас от темпа накопления, степень развития той или другой отрасли промышленности (либо отдельного предприятия) отноду не связана с темпом и размерами ее „собственного“ накопления.

О собственном накоплении, как регуляторе хозяйственного развития, равно как и вообще о собственных ресурсах хозяйствования, можно говорить в отношении крестьянского хозяйства. Но и тут у нас требуются большие оговорки. Между крестьянским хозяйством и „вольным рынком“ у нас стоят сильные государственные и кооперативные заготовительные организации, поглощающие большую часть товарной доли крестьянской продукции. Их связь к крестьянским хозяйством определяется преподанным им планом, как частью всего народнохозяйственного плана, а не состоянием на „вольном рынке“. Очевидно и тут суть не в стихийно-рыночном обеспечении необходимыми ресурсами для воспроизводства, а в плановом разрешении этой проблемы.

III

О чем говорит данная нами характеристика нашего хозяйственного уклада? В той мере, в какой потребление удовлетворяется у нас при посредстве рынка и в какой производство базируется на хозрасчете (условном в государственной промышленности и торговле, полуусловном в кооперации и вовсе безусловном в крестьянском хозяйстве), — рынок остается у нас как фактор реализации национальной продукции, следовательно, так же как фактор обеспечения промышленности и сельского хозяйства ресурсами воспроизводства, но распределение этих ресурсов, в том числе и фонда накопления, как условия и предела расширенного воспроизводства, между разными секторами и отраслями народного хозяйства происходит независимо от рынка. В одних случаях рынок при этом остается вовсе в стороне, в других рынок сам подчиняется плановому регулированию, становится его агентом. Отсюда своеобразность природы и роли цен у нас и в капиталистических условиях. Если в условиях капитализма цены являются функцией рынка, так как, формируя цены, рынок обеспечивает каждой отрасли промышленности, даже каждому предприятию необходимые для существования и развития ресурсы, то в условиях советской экономики цены играют роль одного из рычагов регулирования самого рынка — в целях подчинения его требованиям общего плана строительства народного хозяйства.

В этих наших словах нет, конечно, ничего нового, и не они в своем общем виде приводят нас к проблеме цен в советских условиях. Когда тов. Мендельсон как специфическую особенность условий экономики СССР, выставляет то, что „цена — явление производное

по отношению к совокупности ряда условий — является в то же время рычагом, при помощи которого можно обратно воздействовать на эти условия и тем самым влиять как на структуру хозяйственного процесса, так и на движение его¹, он делает существенную ошибку. В условиях свободной конкуренции на цену нельзя не смотреть только как на „вторичное“, „производное“ явление. Не признавал ли сам капитализм в эпоху принципиального расцвета идеи *laissez faire, laissez passer* безусловную свободную конкуренцию? Не знаем ли мы в самой фритредерской Англии случаев, когда цены, будучи явлением „производным“, в то же время становились также явлением производящим, рычагом воздействия на те самые условия, которые служат предпосылками в процессе ценообразования? И особенно можно ли говорить о ценах только с точки зрения их „производности“, их „вторичности“ в условиях монополистического капитализма? Очевидно, специфическая особенность проблемы цен в наших условиях не в том заключается, что из функции рынка они становятся фактором экономического воздействия через рынок. Констатируя только этот факт, мы не делаем ни одного шага к тому, чтобы осознать проблему цен переходного времени в условиях советской экономики.

Общую формулу тов. Мендельсона необходимо конкретизировать, чтобы выделить советскую проблему цен, сравнительно с проблемой цен монополистического, отчасти даже фритредерского капитализма. Монополистический капитализм в деле активизации роли цен делает шаг вперед тем, что явление спорадическое, случайное, связанное с исключениями из общего порядка, во всяком случае лишенное принципиальных устоев, превращается в явление систематическое, органически связанное со всем хозяйственным укладом. Монополистический капитализм всю свою повседневную „политику“ строит на том, что не рынок ему, а он рынку диктует цены. Однако, он диктует цены для отдельных товаров, для каждого монополизированного товара диктуется своя цена, и только в стихии рынка одни диктуемые ему цены вместе с другими диктуемыми ему ценами, равно, как и ценами, диктуемыми самим рынком, увязываются в то, что следует назвать системой цен. Это „партизанское“ строение цен, которое характеризует регулирующую работу монополистического капитализма, отличает его политику цен от политики цен, возможной для советской экономики.

Планируя и регулируя не отдельные отрасли, а все народное хозяйство, одна только советская экономика может и должна проблеме цен рассматривать не с точки зрения цен на отдельные товары, а с точки зрения системы цен, в которой планомерно и органически увязываются цены отдельных товаров. Рычагом, воздействующим

на хозяйственную жизнь, становятся не те или другие индивидуальные цены, а вся масса цен, представляющая собою картину не стихийно сложившейся системы, а системы цен, планомерно построенной, в соответствии с функцией, ею выполняемой в общем строительстве народного хозяйства.

К этому необходимо прибавить своеобразность самой задачи советского планирования и регулирования народного хозяйства, обуславливающую также своеобразность советской политики цен. При капитализме от цены требуется реализация прибыли: цена хороша, когда в эквиваленте, выручаемом за товар, получается прибыль выше средней общественно-необходимой нормы; цена плоха, когда получаемая прибыль ниже нормы; она оптимальна при прибыли на уровне общественной необходимости. И так расцениваются цены каждого товара в отдельности, ибо капиталиста интересует только получаемая им прибыль; прибыль других капиталистов его не касается, равно как чужда ему идея народнохозяйственной эффективности. Но уже в комбинате проблема цен усложняется. На одни свои товары комбинат имеет возможность установить маловыгодные или даже убыточные цены, если того требуют интересы лучшей реализации тех товаров, которые имеют для него командующее значение. Например, комбинату, объединяющему добычу угля, металлургию и машиностроение, при господствующей роли последнего, легко держать на выбрасываемую им на рынок долю угля (или черного металла) цены даже ниже стоимости производства, если это в интересах машиностроения, являющегося „командующей его высотой“.

Однако, стимулирующим фактором, целью тут все еще остается борьба за прибыль. В советских условиях вопрос о прибыли также далеко не маловажен. Но она здесь не самоцель. Самоцелью здесь служит расширенное воспроизводство, для которого прибыль является средством. И не расширенное воспроизводство в какой-нибудь одной отрасли народного хозяйства, а в народном хозяйстве в целом. Мало того: само расширенное воспроизводство даже в народнохозяйственном объеме обрисовывается в советских условиях как самоцель только потому, что оно рассматривается, как основной фактор в разрешении главной задачи строящегося руками трудящихся масс социализм переходного времени. В этой своеобразной обстановке, подразумевающей не стихийное, а целесообразное плановое строительство народного хозяйства выручка от реализации продукции освобождается от индивидуальной оболочки; она приобретает общественный характер, потому что иначе невозможно плановое ее использование в целях планируемого воспроизводства.

Как мы показали выше, при посредстве бюджетного вмешательства в существование и развитие государственной промышленности, вся она по существу вырисовывается, как единый комбинат, для которого важна не выручка той или другой отрасли, а всей его совокупности, и который весь в целом в союзе с общественностью тор-

¹ А. Мендельсон, „Проблема цены в контрольных цифрах“, „План. Хоз.“, 1927, № 9.

говлей путем сложного воздействия на кооперацию и распыленного производителя придает распределению выручки от реализации продукции общенародный характер. На этом фоне объединенной по всей линии народного хозяйства борьбы за социализм сама система цен, планомерно построенная, не может не быть орудием строительства социализма, средством борьбы против препятствующих этому строительству условий и содействия условиям, строительству социализма благоприятствующим. Этим критерием измеряется степень рациональности существующей системы цен. Проблема цен разрешается, когда создается система цен, соответствующая требованиям повседневной борьбы советской экономики за социализм.

IV

Итак, в условиях советской экономики сознательно, в плановом порядке, как один из моментов экономической политики, строящаяся система цен является фактором целесообразного распределения ресурсов расширенного воспроизводства. Что отсюда вытекает наличие этих ресурсов, разумеется само собою. Ресурсы расширенного воспроизводства не на рынке создаются, а в процессе производства; рынок только превращает в ресурсы воспроизводства аккумулированный в процессе производства труд. Отсюда ясно, что в цене и в условиях советской экономики должны восстанавливаться как то, что можно назвать себестоимостью всех хозяйственных процессов, оканчивающихся моментом превращения товара в продукт потребления, так и то, что обуславливает возможность расширенного воспроизводства, ту долю прибавочной ценности, которая идет в фонд накопления. Если цена не разрешает этой задачи, либо процесс производства и товарообращения мешают ей разрешать ее, не может быть правильного развития народного хозяйства. В этих рамках следует понимать рентабельность хозяйственной деятельности в условиях советской экономики и взаимоотношение цены к ценности товара: и у нас ценность товара должна быть выше его себестоимости производителю, и вся ценность должна быть выражена в цене. Но то обстоятельство, что так или иначе распределение ресурсов расширенного воспроизводства происходит под единым руководством, обуславливает широкую возможность варьировать взаимоотношения между ценностью и ценой в соответствии с требованиями планируемого народного хозяйства — как в целом, так и в отдельных элементах. Выручка от всей продукции народного хозяйства должна соответствовать ценности этой продукции, но вовсе не требуется, чтобы выручка от каждого товара соответствовала его ценности. Этот закон правилен и в капиталистических условиях, и именно на нем базируется тенденция уравнивания нормы прибыли в производствах с разным строением капитала. Однако, у нас он имеет более глубокое значение. Если при капитализме он

открывает возможность производств с разным участием в фонде накопления, то у нас получается возможность производств, не оправдывающих даже себестоимости, т.е. реализующих свою продукцию не только по нерентабельным, но даже по убыточным ценам.

Было бы все-таки ошибкой эту нашу особенность толковать слишком расширительно. В отношении государственной промышленности нет необходимости поддерживать причинную зависимость между выручкой того или другого производства и его потребностями расширенного воспроизводства. Того же нельзя сказать о распыленном крестьянском хозяйстве, сила расширенного воспроизводства которого определяется, главным образом, выручкой за его продукцию. Наше воздействие на сельское хозяйство в смысле развития его в желательном направлении, не считая других методов, должно проходить также по линии распределения ресурсов расширенного воспроизводства при посредстве рынка. Другими словами, в системе цен сельскохозяйственным ценам должно быть отведено место, обеспечивающее сельскому хозяйству возможности развития, предусмотренные общим народнохозяйственным планом.

При этом еще недостаточно при посредстве цен гарантировать правильное распределение ресурсов расширенного воспроизводства между промышленностью и сельским хозяйством в целом. Общий план народного хозяйства предусматривает не только развитие сельского хозяйства в целом, но и развитие отдельных его отраслей. Для социалистического строительства далеко безразлично, как крестьянин относится к полеводству и животноводству, внутри полеводства — к разным посевам, внутри животноводства — к разным видам животноводческой продукции, и т. д. Прямое вмешательство тут невозможно, и его приходится заменить вмешательством косвенным, рыночным — дифференциацией цен в рамках сельскохозяйственной продукции, дифференциацией, которая экономически побуждает крестьянина строить свое хозяйство, соответственно интересам социалистического строительства. Таким образом, в системе цен выделяется специальная комплексная группа цен на сельскохозяйственные продукты.

Когда мы говорим, что комплексная группа цен на сельскохозяйственные продукты должна обеспечивать сельскому хозяйству ресурсы для расширенного воспроизводства в предусмотренных общим планом народного хозяйства пределах, мы упираемся в своеобразность экономической структуры крестьянского хозяйства. Цены, как регулятор расширенного воспроизводства, подразумевают хозяйство, базирующееся на товарном производстве. В широких пределах товарный характер носит американское фермерское хозяйство, которое 60% своей продукции связывает с рынком. Наше крестьянское хозяйство находится в других условиях. Его товарность и в довоенное время не превышала 30% продукции, а теперь она вряд ли превышает 25%. По отдельным видам продукции эта норма еще

ниже. Но если крестьянское хозяйство производит не столько новые, сколько потребительские ценности, то каким образом его можно ввести в орбиту рыночного регулирования темпа расширенного воспроизводства? И еще более — каким образом можно строить цены на базе обеспечения хозяйства ресурсами воспроизводства, когда это подразумевает цены, как результат рыночной трансформации именно меновой ценности, а не ценности потребительской? Коротко говоря, как калькулировать товарность крестьянского хозяйства, когда она составляет только небольшую часть его продукции?

Однако, когда так ставят вопрос, делают серьезную ошибку. В самом деле нельзя в товарном смысле калькулировать всей продукции, которая производится, главным образом, для личного потребления и только в излишке поступает на рынок. Калькуляции поддается только этот излишек, т.е. часть целого, часть продукции, на которую, следовательно, пошла часть труда, часть денежных расходов, часть расходов по ремонту и т.д. В этом лежит трудность исчисления меновой ценности в крестьянском хозяйстве, и приходится подходить к вопросу обходным путем. Крестьянское хозяйство продает некоторую часть своей продукции и продает только потому, что ему необходимы ресурсы для покупок, без которых невозможно и в крестьянском хозяйстве ни простое, ни расширенное воспроизводство. Правильно крестьянское хозяйство развивается не тогда, когда потребности расширенного воспроизводства повышают отчуждение его продукции выше уровня, диктуемого его натурально-денежной структурой. С ростом денежных потребностей крестьянского хозяйства растет и товарность его продукции — и как причина и как следствие, — но этот рост должен быть связан с ростом выручки не вследствие ненормального сокращения натурального потребления, а вследствие либо увеличения цен на нормальную часть товарной продукции, либо нормального, в соответствии с экономической структурой крестьянского хозяйства, увеличения товарной массы. А если товарная часть продукции должна обеспечивать крестьянскому хозяйству необходимые ему денежные ресурсы, то получается возможность скалькулировать цену этой товарной части; она составит всю сумму потребных крестьянскому хозяйству денежных ресурсов, деленную на число единиц отчуждаемой им продукции. В крестьянском хозяйстве, отчуждающем 15 центн. хлеба, при потребности в 50 руб. для простого воспроизводства и 75 руб. для расширенного воспроизводства, себестоимость одного центнера будет 3 руб., а правильная цена, обеспечивающая расширенное воспроизводство, выразится в 4 руб. 50 коп.

Для экономически правильного построения сельскохозяйственных цен, т.е. для такого их построения, которое гарантировало бы сельскому хозяйству темп развития, предусматриваемый планом строительства народного хозяйства, мы препятствий не видим и в том

что необходимые крестьянскому хозяйству денежные ресурсы покрываются им продажей не одного какого-нибудь продукта, примерно, пшеницы, а разных продуктов: пшеницы, овса, картофеля, молока, пеньки и т.д. С формальной стороны, крестьянину безразлично, каким образом складываются цены на каждый из продаваемых им продуктов; лишь бы общая сумма выручки была достаточна. Но если внутрихозяйственные трудовые затраты на производство отдельных продуктов различны, то по ним должны равняться цены на отдельные продукты в рамках необходимой выручки; иначе у крестьянина будет стимул напирать на отчуждение продуктов с небольшими трудовыми затратами, поскольку на них устанавливается хорошая цена, хотя интересы народного хозяйства в целом требуют другого. Следовательно, соотносясь с трудовыми затратами, — не для того чтобы по стоимости затраченного труда определять цены, (что в полунатуральном хозяйстве было бы экономически неправильно), а для того чтобы целесообразно распределить необходимые крестьянскому хозяйству денежные ресурсы между отдельными отчуждаемыми продуктами, — мы получаем возможность формирования комплекса цен, отвечающих требованиям планируемой экономики страны. Это не будут цены, которые фабрикуются по интуиции, ощупью, следовательно, стихийно, в противоречие принципам народно-хозяйственного планирования, цены, которые превращают в пустой звук самые правильно скомбинированные планы заготовок крестьянской продукции, а будут цены, которые сами будут рычагом планового строительства народного хозяйства.

✓

Указанные затруднения в планировании сельскохозяйственных цен отсутствуют, разумеется, в деле планирования цен промтоваров. На первый взгляд проблема представляется здесь чрезвычайно простой. Промышленность производит почти только товары. Калькуляция себестоимости промышленной продукции, следовательно, ни принципиальных, ни технических трудностей не встречает, а потому нет препятствий к определению цен, обеспечивающих каждой отрасли промышленности ресурсы расширенного воспроизводства, в соответствии с планом их развития.

На технике составления калькуляции себестоимости промтоваров мы останавливаться здесь не будем. Скажем только, что она оставляет у нас желать много лучшего, хотя в плановом хозяйстве калькуляция себестоимости отвечает на интересы, идущие гораздо дальше проблемы цен. До тех пор, пока мы не добьемся экономически правильной, по линии всей промышленности, единообразной для широкого освещения статистики и динамики народного хозяйства достаточной калькуляции себестоимости промтоваров, — строго научного планирования народного хозяйства у нас не будет. Ибо на-

учное планирование народного хозяйства базируется не только на установлении правильных количественных взаимоотношений между отдельными видами национальной продукции, но требует также правильности качественных взаимоотношений в смысле результативности человеческого труда и капитальных затрат. В настоящий момент гораздо важнее для нас, однако, другой вопрос, именно является ли себестоимость промпродукции достаточным фундаментом для построения системы цен в той части, в какой эта проблема соприкасается с промышленностью?

Выше мы указали, что в СССР распределение ресурсов расширенного воспроизводства, в том числе и по фонду накопления, в области промышленности особенно подчинено государственной воле. Следует ли отсюда, что цены на промтовары могут у нас строиться независимо от себестоимости их производства, лишь бы в масштабе всей государственной промышленности соотношение между ценами и себестоимостью гарантировало расширенное в предопределяемых планами развития промышленности рамках воспроизводство? На этот вопрос, в такой его общей постановке, следует дать отрицательный ответ. Как и в сложных капиталистических комбинациях, в нашей госпромышленности суть заключается, конечно, не в том, что каждое производство в отдельности должно само себя оправдывать в смысле возможности расширенного воспроизводства. Однако, экономически рациональное строение госпромышленности, наравне с капиталистическим комбинатом, требует такого соотношения между элементами, с одной стороны, и такой организации каждого элемента в отдельности, с другой, которые обеспечивали бы высшую эффективность целого не только в количественном смысле, но и в качественном. По тем или другим причинам допустимы убыточные производства, убыточные в прямом понимании, либо убыточные с точки зрения обмена международного. Не говоря о случаях, когда дорогое производство носит временный характер, нередко приходится поддерживать производства, несмотря на то, что соответствующую продукцию на более выгодных условиях можно получать извне — по соображениям политическим, либо в целях сокращения безработицы. Однако, такие случаи не могут составлять общего явления, не могут лежать в основании всей системы промышленного строительства. Максимальная производительность труда, а отсюда и способность каждого производства обеспечивать себя ресурсами расширенного воспроизводства остается регулятором хозяйственной жизни и в условиях советской экономики, с тем отличием от экономики капиталистической, что у нас возможны исключения из этого правила без потрясения всего народного хозяйства и что участие производства в реализации ресурсов расширенного воспроизводства не предопределяет самого темпа расширения его воспроизводства, темпа, устанавливаемого соответственно требованиям народного хозяйства в целом. Отсюда следует, что

мерило себестоимости остается и у нас в силе для каждого товара в отдельности. Но если при капитализме это мерило является решающим в процессе трансформации ценности в цену, то в советской госпромышленности по этому мерилу приходится только равняться при разрешении проблемы цен, чтобы ясна была степень отклонения цены от себестоимости в необходимых случаях, т.е. чтобы отклонения носили плановый характер, а не имели свойства хаотической растраты рабочих сил и народного достояния.

Необходимо, впрочем, сказать, что если в теории у нас часто высказываются мнения, вовсе отвергающие необходимость в условиях советской экономики равнять цены по себестоимости, то на практике проводится как раз обратная тенденция: в установлении цен на продукцию госпромышленности исходят из себестоимости каждого товара в отдельности, как необходимой минимальной базы, хотя это идет в разрез с интересами как народного хозяйства, как такового, так и народного хозяйства, на котором лежат задачи строительства социализма. На эту практику в разрешении вопроса об экономически целесообразной для советской экономики системы цен необходимо обратить сугубо серьезное внимание.

Что цены на промтовары не должны быть у нас прикрытым методом реального сокращения заработной платы, увеличиваемой номинально, вряд ли могут быть сомнения. Спорно другое. Мы стоим перед острой необходимостью вовлечения крестьянского хозяйства в орбиту социалистического строительства. Одним из средств для этого следует признать максимальную товаризацию деревни в возможно более короткий срок. Очевидно, и система цен должна быть направлена в эту сторону, т.е. при построении цен необходимо сделать все, что возможно, чтобы для крестьянина выгоднее было удовлетворять те или другие потребности не в натуральном порядке, а при посредстве рынка. Чтобы пояснить нашу мысль, остановимся на некоторых примерах.

Производство льна относилось у нас в довоенное время к наиболее товарным отраслям крестьянского хозяйства: в границах СССР выбрасывалось на рынок около 90% всей продукции льна. Теперь на рынок попадает около 40—45% продукции льна. В известной степени натурализация этой отрасли крестьянского хозяйства объясняется недостатками организации заготовки льна. Но суть не только в этом. Хуже то, что использование льна в собственном хозяйстве экономически выгоднее для крестьянина. Вятское статбюро производило такой любопытный подсчет. Путем взвешивания кусков крестьянского холста оно установило, что 600 метров холста в среднем весят 1 центнер, а для выработки 1 центнера холста требуется 3 центнера льна. При этом остается 2 центнера кудели, которую можно оценить в 50% стоимости льна. Так как средняя годовая цена на лен в 1926/27 г. была в Вятской губ. 36 руб. 75 коп., то на выработку холста тратилось 110 руб. 25 коп., из коих 36 руб. покры-

валось стоимостью кудели. Следовательно, в домашней обработке 600 метров холста доставалось крестьянину по 12,3 коп. метр. Не считая того, что холст крестьянин вырабатывает в свободное время, можно принять, что вознаграждение за труд обработки в размере 10—12 коп. за метр в Вятской деревне само по себе достаточно выгодно. Таким образом, утилизируя свободное время, крестьянин помимо этого получает холст по цене около 25 коп. за метр, за какую цену он не получит и плохого ситца. По исчислению, сделанному ЦСУ РСФСР, рыночная цена льна была эквивалентна следующему количеству метров ситца и холста в Смоленской губ.:

	Ситец	Холст
1 сентября 1926 г.	12,9	18,3
1 апреля 1927 г.	17,3	24,5
1 октября 1927 г.	19,6	24,6
1 апреля 1928 г.	19,9	22,9

Ситец постепенно понижается в цене, и на этой почве за полтора года получилось значительное сближение цен на ситец с ценами холста. Тем не менее, ситец все еще дороже холста, несмотря на то, что для исчисления эквивалентов ЦСУ пришлось взять для ситца кооперативные цены, а для холста — рыночные. В довоенное время соотношение было обратное, и это соответствовало качеству обеих тканей. Если преимущество ситца крестьянин видит в том, что он более отвечает моде, то у холста имеется важное в глазах крестьян преимущество в большей его прочности. Конкурировать тут ситец может только на почве низших цен. И в довоенное время мы видим, что рост потребления в деревне хлопчатобумажных тканей приводит к постепенному сокращению количества „оседающего“ в крестьянском хозяйстве льна. Если в 80-х годах прошлого столетия на территории нынешнего СССР в крестьянском хозяйстве оставалось около 85 тыс. тонн льна, то накануне войны „оседание“ определялось уже около 40 тыс. тонн. Теперь „оседает“, повидимому, около 100 тыс. тонн, и это вполне объясняется тем фактом, что даже апрельские 1928 г. цены ситца были выше довоенных копеек на десять.

Если бы мы отказались от этих десяти копеек, то в деле товаризации льноводческой деревни был бы сделан большой шаг вперед. Ради такого успеха можно ли пойти на указанное снижение цены ситца, хотя бы с некоторым убытком для хлопчатобумажной промышленности, убытком, который, впрочем, был бы компенсирован не одной только победой в смысле сближения деревни с социалистическим строительством. И в самом деле. Предположим, что восстановление довоенной цены для деревенского потребления ситца сократило бы „оседание“ льна не до 40 тыс. тонн довоенного времени, а до 60 тыс. тонн, т.е. товарность льна увеличилась бы примерно на 40 тыс. тонн. За это деревне нужно было бы дать метров

ситца примерно в полтора раза более того, что она получает в виде холста из льна, т.е. около 225 млн. метров, на которых промышленность потеряла бы 22,5 млн. руб. Но за вывезенные за границу 40 тыс. тонн льна мы выручили бы не менее 30 млн. руб. золотой валюты, ценность которой в смысле затраты на необходимый промышленности импорт следует увеличить по меньшей мере в полтора раза. Другими словами, потеряв на пониженных ценах ситца 22,5 млн. руб., промышленность на импорте заработала бы не менее 45 млн. руб. Допустим, что вся разница в 22,5 млн. руб. ушла бы на уплату крестьянину за лен и на маневрирование ценами по другим, кроме тканей, продуктам крестьянского потребления в льняных районах (хлеб и т. п.). Операция даже с точки зрения коммерческой оказалась бы таким образом безубыточной и в этом случае.

Возьмем другой пример, который касается уже не одной только деревни. Сильно растет у нас потребление молочных продуктов и продуктов птицеводства, во вред экспорту. С другой стороны, потребление сахара, развитие которого могло бы ослабить рост потребления молочных продуктов и продуктов птицеводства, стоит у нас в деревне на чрезвычайно низком уровне, а в городе ниже, чем в других странах. Причина — дороговизна сахара. Не касаясь причин, почему производство сахара у нас дороже, чем за границей, мы и здесь сталкиваемся с вопросом о народнохозяйственной целесообразности хотя бы некоторой убыточности цен, компенсируемой не только выгодами усиленной товаризации деревни, но и коммерческой эффективностью увеличения экспорта за счет замены в потреблении сахаром определенных количеств масла, яиц и пр.

Этими двумя примерами мы ограничимся для пояснения нашего отношения к вопросу о ценах на промтовары. Производственный подход к вопросу необходим. Равняться по себестоимости следует в каждом отдельном случае. Но решающую роль должна играть народнохозяйственная оценка, и именно под углом зрения задач, разрешаемых народным хозяйством переходного времени.

VI

То, что мы сказали о роли себестоимости производства в установлении цены на промтовары, относится и к себестоимости товарообращения. Нельзя планировать товарооборот без учета стоимости транспорта и торгового посредничества. Следовательно, и политика цен должна считаться с расходами товарообращения. Но считаясь с ними, равняясь по этим расходам, не только нет надобности рабски подчинять им политику цен, но наоборот, — если того требуют интересы народнохозяйственного строительства, политика цен должна строиться независимо от стоимости товарообращения.

Здесь не место говорить о том, как в условиях советской экономики вообще разрешается вопрос о себестоимости товарообра-

щения: разрешается ли он в рамках того, что в производстве называется расширенным воспроизводством, т.е. с учетом накопления, необходимого для расширения и улучшения процесса товарообращения, или тут достаточно простое „воспроизводство“, либо даже само простое „воспроизводство“ в отношении расходов товарообращения в той или другой части может быть взято за скобки ценообразования. В настоящий момент для нас важно одно — что в распределении ресурсов, необходимых народному хозяйству для своего существования и развития в соответствии с принятым планом, то или другое участие процессу товарообращения отводится. Поскольку речь идет об огосударствленном секторе товарооборота, вопрос об участии расходов товарообращения в ценообразовании разрешается в том же порядке, в каком он разрешается в производстве. В расчет принимается стоимость товарообращения в народнохозяйственном масштабе в целом, с распределением ее по отдельным товарам, согласно требованиям экономической политики, устанавливающей пути и темпы развития отдельных отраслей народного хозяйства и отдельных экономических районов территориального целого. Но в товарообороте большую роль играют неогосударственные секторы, — кооперативная и частная торговля. В какой же мере цена должна включать восстановление их расходов, точнее в какой мере их отношение к цене должно и может регулироваться в плановом порядке требованиями экономической политики?

Хозрасчетность нашей кооперации нельзя понимать в том же смысле, в каком она понимается при капитализме. Льготы, предоставляемые советской кооперации, и ее связи с государственным финансированием народного хозяйства делают советскую кооперацию одним из факторов обобществления последнего, фактором, своеобразным по своим организационным формам, но не по задачам народнохозяйственного строительства в условиях переходного времени. Участие в ресурсах, необходимых для существования и развития народного хозяйства, происходит у кооперации на нескольких иных основаниях, чем у госорганизаций. Относительная финансовая ее независимость заставляет включать ее в систему общего планирования таким образом, чтобы ей обеспечивалась самостоятельность в области предоставляемых ей функций в более широких пределах, чем госорганизациям. Но отношения между нею и последними мыслятся в рамках сотрудничества, а не конкуренции. Отсюда и в вопросе о цене кооперацию необходимо рассматривать не как объект стихийного рыночного воздействия, а как силу регулирования самого рынка. Возможности планового маневрирования ценами в отношении кооперации ограничены. Каждая кооперативная ячейка, существуя самостоятельно от других кооперативных ячеек и с минимальной зависимостью от государственного фонда финансирования народного хозяйства, сама должна обеспечивать себя ресурсами существования и развития. Строение кооперативной цены с ущербом

для паевого капитала подрывало бы самые устои кооперативного строительства. Однако, за этим пределом самостоятельность кооперации оканчивается. Кооперативная прибыль определяется в порядке планового регулирования, поскольку речь идет о нормах, превышающих необходимость стимулирования притока в кооперацию капитала из резервуаров неорганизованных, распыленных народных сбережений. В планируемой для кооперации цене в обязательной форме обеспечивается ей восстановление себестоимости ее операций с добавлением определенной нормы прибыли, которая не должна быть ниже того, что делает выгодным помещение народных сбережений в операциях кооператива; в дальнейшем плановое творчество маневрирует кооперативной ценой на тех же основаниях, на каких оно маневрирует ценами в отношении госорганизаций. В общем получается то отличие кооперации от госорганизации, что последняя рассматривается, как единое целое, в котором для отдельных частей планируются цены в интересах и за счет всего целого, между тем как планирование кооперативной цены происходит с учетом интересов каждой кооперативной ячейки в отдельности. Смысл и значение проблемы планирования цен от этого не меняются. Усложняется только форма планирования.

Иначе следует рассматривать частную торговлю в ее отношениях к вопросу о плановом строении системы цен. В обстановке планируемого народного хозяйства не может быть частной торговли, не подчиняющейся плановому началу. Из этого бесспорного положения легко сделать тот вывод, что не имеет права на существование та частная торговля, которая не подчиняется непосредственному плановому регулированию цен. Такой вывод представляет серьезную опасность. В условиях советской экономики частная торговля существует постольку, поскольку в ней имеется народнохозяйственная необходимость. А раз в известных пределах она необходима, нельзя, без потрясения всего народного хозяйства, лишать ее возможности существования при посредстве соответственным образом построенной системы цен. В частной торговле цена не может не быть функцией рынка. Но советский рынок сам по себе подчиняется в сильной степени плановому регулированию. Таким образом, частная торговля в своем стихийном творчестве в области цен замкнута в тесных рамках. Стихийное ценообразование возможно лишь настолько, насколько оно предопределяется плановым ценообразованием, насколько оно не видоизменяется последним — не в административном, разумеется, порядке, а в порядке экономического состязания. Именно в этом тесном смысле следует понимать стихийное творчество частной торговли в области цен: поскольку оно не подчиняется методам регулирования рынка, постольку в плановой системе цены частной торговли учитываются, как функция рынка, и соответственно с этим в систему регулирования цен вносится поправка для системы цен вообще, т.е. общая система цен, как элемент планирования на-

родного хозяйства, получается в виде производного целого из цен, регулируемых непосредственно, и цен частной торговли, регулируемых косвенными путями, в меру планового регулирования рыночного товарооборота.

Гораздо сложнее проблема увязки плановой системы цен советской экономики с ценами мирового товарооборота. Нельзя нашу систему цен противопоставлять мировой, как плановую систему стихийной системе. Целевое воздействие проходит теперь красной нитью в отношениях к внутренним рынкам капиталистических стран, и эта политика еще в более сильной степени отражается на международном товарообороте, регулируемом разными методами, в том числе и по линии цен. В результате получается, что по ряду товаров капиталистические страны имеют две цены — внутреннюю и внешнюю. Таким образом, если многое приходится нам еще сделать в области себестоимости производства и товарообращения, чтобы подняться до уровня капиталистических стран, в особенности тех из них, которые далеко пошли по пути реконструкции и рационализации своего народного хозяйства, то сама политика цен капиталистических стран ставит перед нами специфические задачи в процессе трансформации ценности в цену. Сближение наших цен с мировыми — это не только вопрос техники производства и товарообращения, но и вопрос конструкции цен, как системы увязки нашего товарооборота с мировым.

Наша связь с мировыми рынками не велика. В 1926/27 г. она выражалась всего лишь 0,99% по импорту и 1,17% по экспорту. Для довоенного времени участие всей бывшей России в мировом импорте составляло 2,93% при участии в экспорте 3,91%. Накануне войны Соед. Штаты, связанные с мировым товарооборотом слабее других капиталистических стран, участвовали в мировом импорте 8,4% и в мировом экспорте 12,4%; теперь это участие увеличилось: для 1927 г. оно дает 11,3% и 14,1%.

Из приведенных цифр, однако, нельзя сделать того вывода, что сближение наших цен с мировыми не представляет для нас серьезной проблемы. С одной стороны, как бы слабо ни было наше участие в мировом товарообороте, оно обуславливается настоящими потребностями. С другой стороны, вопрос о сближении наших цен с мировыми важен с точки зрения роста благосостояния трудовых масс внутри страны. Очевидно, планируя систему цен, нельзя не учитывать ее связи с мировой системой цен. Но этот учет не может идти той же дорогой, которой в построении системы цен мы должны идти в учете цен необщественного сектора внутреннего товарооборота. Последний не мыслится нами, как сила, стоящая вне планируемого регулирования. Наоборот, мировая торговля, хотя бы и регулируемая, идет путями, резко отличающимися от путей планируемого регулирования нашего народного хозяйства: там регулирующим мотивом служит борьба за капиталистическую прибыль; у нас целью регулирования служит максимальное развитие произво-

дительных сил в интересах роста благосостояния трудовых классов, строящих социализм. Равнение по мировым ценам при построении советской системы цен следует рассматривать, как увязку с чужеродным телом, стоящим вне нашего воздействия, но могущим при определенных условиях оказывать определенное воздействие на наше народное хозяйство.

VII

Мы дали общие контуры той сложной обстановки, в которой необходимо строить систему цен в условиях советской экономики, системы цен, которая одновременно и отражает в себе сложные народнохозяйственные взаимоотношения, и сама является активным фактором воздействия на эти взаимоотношения, направляя их к разрешению одной из труднейших задач народнохозяйственного строительства, — задачи переходного времени, в плановом порядке строящего новое общество, новый социально-экономический уклад. Не следует умалять трудностей, с которыми мы сталкиваемся в этом деле. Построение такой системы цен предполагает большую аналитическую работу, как фундамент для синтеза, в котором органически должны быть увязаны все сложные, часто друг другу противоречащие факторы хозяйственного существования и развития. Но эта большая и трудная работа должна быть проделана. До тех пор пока борьба за социализм идет у нас на базе сохранения товарно-денежных взаимоотношений и в условиях капиталистического окружения, планирование народного хозяйства без планируемой системы цен лишено будет той научной выдержки, которая превращает предвидение в реальный рычаг экономической политики. Не частные ошибки в планировании опасны. Они неизбежны, ибо и знания наши недостаточны и наши способности к прогнозу ограничены. На частных ошибках мы учимся. Опасно другое. Опасны неправильная система планирования, недостаточный учет факторов народнохозяйственного развития и их односторонняя оценка. Много неудач в планировании до сих пор имеет свои корни в нашем отношении к проблеме цен, недостаточно учитываемой народнохозяйственными планами, — в отсутствии системы цены, органически увязанной со всей системой планирования народного хозяйства. Рядом с двумя признанными факторами планирования — системой производства и системой товарообращения — должен занять свое место третий фактор — система цен.